

Вечером, вернувшись во дворец Чжици, Пятая принцесса принялась за обычный ритуал: после ужина прислужницы Дун Мэй и Цю Куй помогли ей раздеться и войти в купальню.

Чтобы никто не заметил её травм, последние дни она соблюдала предельную осторожность. Особенно во время купания, когда сброшенная одежда уже не могла служить прикрытием. Пятой принцессе приходилось заранее повязывать на запястья декоративные ленты из тонкой ткани: они не только защищали раны от воды, но и скрывали наложенные поверх них лечебные повязки. Пока сама она не выдаст себя неловким жестом, ни Дун Мэй, ни Цю Куй ни о чём не догадаются.

— Принцесса в последнее время каждый день покидает дворец и пропадает там до самого вечера. Мы не можем сопровождать Вас, а без дела сидеть в покоях и получать жалованье — сердце не на месте, — сокрушённо вздыхая, проговорила Дун Мэй, расчёсывая длинные, словно водная гладь, волосы госпожи.

Пятая принцесса, задумчиво разглядывавшая лепесток розы, плывущий по воде, зачерпнула ладонью воду и медленно полила себе на плечо.

— Иметь свободное время и то печаль? Неужели вам так хочется хлебнуть лиха? — лениво отозвалась она.

Цю Куй, с улыбкой добавив в кадуюшку пару ковшей горячей воды, подхватила беседу:

— Дун Мэй просто беспокоится о Вашей безопасности. Нынче Вы ежедневно контактируете с этими дикими людьми из Наньюэ. Хоть стража и стоит рядом, само это соседство заставляет сердце биться тревожно.

Служанка понизила голос:

— Во дворце шепчутся, будто мужчины-рабы из Наньюэ почитают свою принцессу едва ли не как божество, словно она сошедшая на землю небожительница. Вы с той принцессой Наньюэ не в ладах. Если вдруг какой-нибудь раб решит вступить за свою госпожу и тайно нападёт на Вас, мы ведь не успеем вовремя прийти на помощь. Оттого и тревожимся.

Услышав это, Пятая принцесса нахмурилась. Инстинктивное отторжение проснулось внутри:

— Откуда вы только берете эти слухи?

При каждом её движении по гладкой, фарфоровой коже скатывались капли воды. В тусклом свете позолоченных бронзовых подсвечников её безупречное тело казалось почти прозрачным. Заметив, что Пятая принцесса собирается встать, обе служанки поспешно опустили глаза и принялись ловко обтирать её мягким полотном.

— Высокомерно и грубо, нет в них ни капли смирения, подобающего гостям! — возмутилась она.

Когда Пятая принцесса направилась к выходу, Дун Мэй напомнила:

— Госпожа, Вы ещё не нанесли питательное масло для кожи.

Пятая принцесса лишь досадливо махнула рукой:

— Сначала уйдите.

Дун Мэй и Цю Куй переглянулись. Тревога в их глазах была искренней, но послушаться приказа они не смели. Быстро наведя порядок в купальне, они почтительно откланялись.

В спальне Пятая принцесса, облачившись в лёгкое нижнее платье, села перед зеркалом и постаралась сосредоточиться.

Служанки, поспешно упав на колени, начали умолять о прощении, решив, что принцесса разгневана из-за грубости варваров. Но они ошибались: Пятая принцесса была раздражена совсем иным.

— Откуда вы это услышали? — повторила она свой вопрос.

Дун Мэй и Цю Куй, не ожидавшие такой бурной реакции, не осмелились медлить:

— Слухи дошли из дворца Линьян. Младший брат наложницы Шупин служит в ведомстве по делам иноземцев и отвечает за приём делегации. Говорят, у принцессы Наньюэ есть доверенный слуга по имени Чи Юй. Напившись, он начал бахвалиться, будто другие рабы даже мизинца её не стоят, и если она хоть раз удостоит его взглядом, он готов умереть на месте. А про Вас, госпожа, он сказал, что сколько бы сил Вы ни тратили на их обучение, всё это напрасный труд.

Пятая принцесса пришла в ярость:

— Замолчите! Больше ни слова!

Настроение принимать молочную ванну улетучилось окончательно. С помрачневшим лицом она поднялась из кадушки. Раньше служанкам не нужно было напоминать о косметических процедурах — Пятая принцесса с детства привыкла заботиться о своей внешности, и на её туалетном столике всегда стояло бесчисленное множество флаконов. Подобная апатия была для неё редкостью.

Служанки в испуге замолкли. Узнав, что раны на руках нужно смазывать смесью сока юйхуэй и корня тудин, Пятая принцесса запомнила это крепко: она слишком дорожила своей красотой, чтобы позволить остаться шрамам.

Но теперь, когда Хань Цзинь пришёл в себя, у неё не было причин ежедневно навещать в резиденцию принцессы. Однако ради исцеления рук она была вынуждена делать это снова и снова. Перед уходом она легко пообещала ему прийти завтра, но теперь, вспоминая, как он заботился о ней, в то время как его сердце принадлежит той, другой — далёкой и прекрасной принцессе Наньюэ, — Пятая принцесса чувствовала горечь. Она даже разозлилась на себя за данное обещание: ей хотелось завтра вовсе не видеть его!

Когда принцесса ушла, Бо Цин наконец решился переступить порог спальни. С того дня, как он случайно помешал планам своего господина, он не видел от него ни одного доброго взгляда.

Войдя, он увидел, что Молодой господин лежит на кушетке с закрытыми глазами. Бо Цин вздохнул: господин сам едва держится на ногах от слабости, но тратит последние силы, лишь бы удержать маленькую принцессу подольше.

Он не осмелился дать совет, лишь бесшумно подошёл, чтобы поправить одеяло, но, едва коснувшись ткани, услышал голос:

— Как продвигаются дела?

Бо Цин отпрянул, побледнев от неожиданности — господин не спал.

— Отвечаю Молодому господину: «тёмных знамён» Юнци в Да Ли немало, но чтобы активировать их, нужно найти их главу, господина Бэй Сю. Мы заперты в этом дальнем двореке резиденции, нам трудно даже просто выйти за ворота, не говоря уже о том, чтобы разыскать его.

Хань Цзинь нахмурился. Он знал, что это непросто. Бэй Сю никогда не показывался на людях открыто, даже сам Хань Цзинь не знал его настоящего имени и того, где он скрывается. Но если не заручиться поддержкой этих тайных агентов, то с таким искалеченным телом ему не то что не вернуться в Юнци — даже из резиденции принцессы не выбраться.

Ситуация в Инду, столице Юнци, была катастрофической. Он не мог оставаться в Да Ли надолго, но раны, полученные в Сиюй и Дунчуне, были слишком тяжелы. Его верный слуга Бо Сун проделал тысячи ли, чтобы доставить в Инду лекарства, но он не мог не тревожиться о матери и младшей сестре.

От тяжёлых мыслей Хань Цзинь закашлялся, выплевывая сгусток чёрной крови. Вся его

показная невозмутимость, которую он сохранял перед маленькой принцессой, исчезла. Он вцепился в деревянный край кушетки и мрачно прошептал:

— Убить его... Убить его!

Бо Цин, видя, что господин снова погружается в пучину безумия, поспешно опустился на колени:

— Господин, Старший принц мёртв, наша месть совершилась! Сейчас Вам нужно беречь силы, чтобы скорее вернуться на родину. К тому же Третий принц в Инду наверняка уже получил известия и отправил людей на поиски.

Хань Цзинь тяжело дышал, холод в его глазах немного померк, но не исчез:

— Боюсь, лишь моя смерть принесёт ему истинное удовлетворение.

— Как Вы можете так говорить? Третий принц ведь взошёл на престол благодаря Вашей поддержке...

— И что с того?

Хань Цзинь с детства усвоил: никому нельзя доверять. Его мать была низкого происхождения, отец — слаб, а род Шан, к которому принадлежала Императрица, десятилетиями держал в руках всю власть в Юнци. С детства он подвергался жестоким издевательствам, но, проявив выдающиеся способности, сумел защитить мать и сестру, став фактически бездушным орудием убийства в руках Старшего принца.

Но три года назад он мельком увидел пару необычайно красивых, сияющих глаз — и впервые в жизни в нём вспыхнуло желание противостоять судьбе. Он, погрязший в грехах, осмелился возжелать небесную луну. Он знал, что недостоин, но не мог избавиться от этой навязчивой идеи, даже осознавая, что луна никогда не обратит на него свой взор.

Он был осквернён. Старший принц устроил пожар, в котором едва не погибли его мать и сестра. Мать лишилась ног, а его маленькая сестрёнка, расцветшая, как цветок, была обезображена огнём...

С того дня началась гражданская война в Юнци. Хань Цзинь, не знавший жалости, потратил три года, чтобы полностью уничтожить Старшего принца и весь род Шан. Но братоубийца не мог занять трон. Не желая спорить с чиновниками, Хань Цзинь возвёл на престол младшего брата, Хань Синя, а сам стал регентом.

Ради мести эти три года он жил как зверь, забыв о человеческих чувствах. Но как только враги были повержены, состояние матери резко ухудшилось. Ему пришлось рискнуть жизнью: он

отправился в ядовитые леса Сиюй за редким грибом линчжи, а затем проделал путь до Дунчуна, где сразился с огромным крокодилом, чтобы добыть его желчь.

Лекарство было собрано, но сам он пал. На обратном пути их отряд попал в засаду, он и Бо Цин получили ранения и лишились культивации, оказавшись рабами в Да Ли.

Он и представить не мог, что снова встретит свою луну.

Чувства были сильны, желание — непреодолимо. Он не смел смотреть на неё своими грязными глазами, но не мог сдержаться, и в его кошмарах он вновь и вновь осквернял чистоту этого лунного света. Он годами желал её, долгие, мучительные годы.

Но теперь, когда они встретились, он стал ничтожным рабом, недостойным даже коснуться подола её одежды. Когда она бросила на него взгляд, полный жалости, его сердце едва не разорвалось от боли. Тогда в нём родилась ярость — он хотел, чтобы она возненавидела его.

Но... она поранилась по его вине. И это чувство стало таким глубоким, что скрыть его было невозможно. Он просто... не мог её отпустить.

<http://bllate.org/book/21012/2136235>